

ЛОТОС В ОГНЕ

САНАА БОВА

СанаА Бова
Bova Team
Лотос в огне

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72705541
SelfPub; 2025*

Аннотация

На фоне строительства Великой стены судьба сталкивает двух людей, разделённых войной, кровью и законами мира, где жизнь простого человека стоит меньше камня.

Юн Линь – дочь крестьян, потерявшая семью и веру в справедливость.

Фэн Шао – генерал, закованный в железо долга, но уже начинающий слышать шёпот совести.

Их встреча – искра, что вспыхивает среди пепла. Искра, способная разжечь пламя, которое изменит всё... и сердца, и мир.

Когда любовь становится восстанием, даже стена не способна устоять.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Искры в утренней мгле	9
Глава 2: Долг и сердце	17
Глава 3: Тайное убежище	32
Глава 4: Пламя среди камней	40
Глава 5: Зов свободы	51
Глава 6: Тени за очагом	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

СанаА Бова

Лотос в огне

Пролог

Тишина над горами была густой и осязаемой, словно ткань, сотканная из предрассветной мглы и холодного дыхания земли. Ветер, тонкий и пронзительный, скользил между вершинами, цепляясь за острые края скал и унося с собой слабые отголоски стонов – то ли призраков прошлого, то ли живых, что всё ещё трудились где-то там, за горизонтом. Небо, низкое и тяжёлое, казалось вырезанным из серого камня, без единого просвета, где могли бы зародиться первые лучи солнца. В воздухе висел запах влажной земли, смешанный с горьковатым привкусом дыма, что поднимался от далёких костров, разожжённых у подножия Великой стены – циклопического сооружения, чьи недостроенные башни и зубчатые края уже высились над долиной, подобно хребту пробуждающегося дракона.

У подножия одного из холмов, где трава, ещё влажная от ночной росы, мягко пружинила под ногами, стояла одинокая фигура. Юн Линь, закутанная в старый плащ из грубой шерсти, выцветший от времени и непогоды, казалась почти незаметной в этом сером мире. Её длинные волосы, тёмные,

как уголь, выбивались из-под края капюшона, слегка шевелясь на ветру, а тонкие пальцы крепко сжимали ручку плетённой корзины, сплетённой из ивовых прутьев, потемневших от частого использования. Корзина была пуста, но её тяжесть ощущалась не в руках, а в душе девушки – в тех мыслях, что давили на неё, как камни, которые она видела каждое утро, глядя на стену. Её босые ступни, покрытые тонким слоем грязи, чувствовали холод земли, проникающий сквозь кожу, но она не дрожала. Внутри неё теплился огонь – слабый, едва заметный, но живой, как искра, упавшая на сухую траву в ожидании ветра, что разожжёт пламя.

Её взгляд, острый и глубокий, как воды горного ручья, был устремлён туда, где громоздились каменные блоки Великой стены – грубые, необтёсанные, сложенные руками тех, кто уже не вернётся домой. Она знала эти камни не понаслышке: каждый из них был пропитан потом её отца, его кровью, его последними вздохами, когда он рухнул под тяжестью груза, не выдержав бесконечного труда. Каждый из них хранил слёзы её матери, что гасла день за днём, отдавая последние силы на налоги и работу, чтобы прокормить семью, пока стена не забрала и её. Юн Линь стиснула зубы, и её скулы напряглись под тонкой кожей – воспоминания жгли, но не сломили её. Она стояла прямо, хрупкая, но непреклонная, словно молодой побег бамбука, что гнётся под ветром, но не ломается.

Внезапно тишину разорвал глухой удар – тяжёлый, рез-

кий, донёсшийся издалека, оттуда, где стена поднималась всё выше с каждым днём. То ли рухнул очередной камень, сорвавшись с высоты, то ли чья-то жизнь оборвалась под ударом плети надсмотрщика, то ли лопнула верёвка, не выдержав груза. Юн Линь вздрогнула, её плечи на миг напряглись, но она не отвела глаз от горизонта. Этот звук был ей знаком – он приходил в её сны, вплетался в её дни, напоминая, что тьма, сковавшая её мир, не уйдёт сама по себе. Её пальцы сжали край корзины так сильно, что побелели костяшки, а ногти впились в ладони, оставляя красноватые следы. В этот миг в её душе родилось нечто большее, чем скорбь или страх – обещание, тихое, как шёпот ветра, но твёрдое, как камень под её ногами: она не позволит стене забрать всё, что ей дорого, даже если для этого придётся бросить вызов самой судьбе.

В это же время, по другую сторону каменной громады, в лагере солдат, освещённом дрожащим светом факелов, стоял Фэн Шао. Его фигура, высокая и широкоплечая, выделялась среди суеты и теней, но в ней не было гордости или силы, что обычно присуща воинам. Доспехи, покрытые пылью и пятнами засохшей крови – не его, а тех, кого он не смог спасти, – казались продолжением его тела, тяжёлым грузом, который он носил не по своей воле. Шлем лежал у его ног, брошенный на землю, словно ненужная маска, а чёрные волосы, слипшиеся от пота, падали на лоб, закрывая глаза – тёмные, усталые, с тенью боли, что не покидала их с тех пор,

как он стал частью этой войны без начала и конца.

Лагерь вокруг него жил своей жизнью: солдаты переговаривались хриплыми голосами, кто-то точил клинок, кто-то тащил связку верёвок к очередной телеге с камнями. Запах дыма от костров смешивался с резким ароматом железа и пота, пропитавшим воздух. Фэн Шао стоял неподвижно, его правая рука лежала на рукояти меча, висящего у пояса, но пальцы не сжимали её – в них не было силы, лишь тень былой уверенности, что угасала с каждым днём. Он смотрел на стену, возвышающуюся перед ним, не с ненавистью, а с глубокой, изматывающей усталостью. Вопрос, который он не смел задать вслух, пульсировал в его груди: ради чего всё это? Ради славы императора? Ради защиты земель, которых он никогда не видел? Или ради того, чтобы заглушить крики брата, что до сих пор звучали в его ушах, напоминая о дне, когда он не успел протянуть руку помощи?

Ветер, холодный и резкий, пронёсся через лагерь, принеся с собой слабый, едва уловимый запах трав – свежий, чистый, неуместный среди смрада и смерти. Фэн Шао прикрыл глаза, и на миг ему показалось, что он чувствует что-то ещё – тепло, давно забытое, то, чего он не знал с тех пор, как потерял брата, как стал винтиком в этой машине, перемалывающей жизни. Его грудь сжалась, дыхание стало глубже, и он невольно поднял взгляд к небу, где звёзды ещё не успели проступить сквозь серую пелену. Он не знал, что где-то там, за стеной, в этот самый момент судьба уже протягивала

нить – тонкую, почти невидимую, как паутина, но прочную, как сталь, чтобы связать его с девушкой, чьи шаги он ещё не слышал, чьё имя ещё не звучало в его мире, но чьё присутствие уже начинало менять его жизнь.

Два сердца, разделённые камнем, долгом и кровью, билась в унисон, не зная друг друга, но уже связанные невидимой силой. Небо над ними оставалось серым и безмолвным, но где-то в глубине этой мглы рождался свет – слабый, трепетный, как первый лепесток лотоса, пробивающийся сквозь тёмный ил к поверхности, чтобы однажды расцвести в огне, который изменит всё. Их пути пересеклись в тени Великой стены, и хотя они ещё не видели друг друга, их судьбы уже начали сплетаться, подобно корням, что ищут воду в сухой земле, обещая жизнь там, где царила лишь смерть.

Глава 1: Искры в утренней мгле

Ранним утром, когда рассвет едва прикоснулся розоватыми пальцами к вершинам гор, окутывая деревню полупрозрачным туманом, Юн Линь тихо пробиралась по заросшей тропе к подножию холмов. Её босые ступни бесшумно касались прохладной земли, мягкой от ночной росы, а в руках она крепко сжимала небольшую плетёную корзину, предназначенную для целебных трав. Девушка была похожа на нежный цветок, растущий среди диких камней – тонкая и хрупкая, но со взглядом, полным тихой решимости и стойкости.

Остановившись у большого серого валуна, покрытого густым мхом и каплями влаги, Юн Линь осторожно опустилась на колени, перебирая пальцами травы и коренья, будто нежно касаясь живых существ. В её движениях было что-то трепетное и бережное, словно она боялась причинить растениям лишнюю боль. Но сердце её было беспокойно. Ветер принёс к ней далёкий звук – тяжёлые шаги солдат и грубые крики надсмотрщиков. Юн Линь замерла, чувствуя, как кровь застыла в её венах, и быстро прижалась к холодному камню, пытаясь слиться с ним, стать его частью, стать незаметной и невидимой.

Она осторожно выглянула из-за валуна и увидела, как солдаты Цинь грубо шагают по деревне, выкрикивая резкие команды и угрозы, заставляя крестьян выходить на улицу. Их

тяжелые сапоги безжалостно топтали клочки травы, а руки ломали всё, что попадалось на пути. Один из воинов резко ударил ногой плуг, принадлежавший её семье, с силой переломив его пополам, словно ломал судьбу целого рода.

– Император требует новых рук для Великой стены! – закричал солдат, бросая уничтоженный инструмент в пыль, гневно оглядывая перепуганных людей, которые покорно опускали головы, избегая его тяжёлого взгляда. – Кто не придёт добровольно, того заберём силой!

Юн Линь закусила губу, едва сдерживая слёзы. Гнев, горечь и бессилие переполняли её сердце. Она сжала пальцы так сильно, что побелели костяшки, и опустила глаза, не в силах смотреть на унижение и боль своих соседей и друзей.

Когда солдаты удалились, оставляя после себя тяжёлое молчание и разрушение, девушка вновь сосредоточилась на сборе трав. Но теперь каждое её движение было наполнено болью и воспоминаниями. Внезапно взгляд её упал на нежный, почти прозрачный цветок, скромно выглядывающий из-под листьев. Юн Линь протянула руку и бережно сорвала его, прижимая к груди так, будто держала саму жизнь.

– Мама... – прошептала она, едва слышно, словно боясь потревожить тишину утра. – Сегодня я принесу тебе цветок. Ты будешь знать, что я помню. Ты будешь знать, что я не сломлена.

Сердце её болезненно сжалось при мысли о матери, умершей под тяжестью налогов и беспощадного труда ради этой

проклятой стены. Юн Линь выпрямилась, взглянув вверх, туда, где возвышалась Великая стена – безжалостное каменное чудовище, забирающее жизни и мечты. Она смотрела на неё с гневом и вызовом, давая себе обещание, что никогда не станет жертвой этого жестокого строения, что найдёт способ сопротивляться, даже если для этого ей придётся рискнуть всем, что осталось в её жизни.

Сжав цветок крепче, девушка вновь двинулась по тропе вниз, к могиле матери, обещая самой себе, что эта тьма не сможет сломить её дух.

Дождевые облака тяжело нависли над горами, погружая всё вокруг в вязкую серую мглу. Мелкие капли начинали стучать по листьям деревьев и камням, словно шёпот тысяч голосов, зовущих из тени. Юн Линь осторожно ступала по узкой, покрытой влажным мхом тропе, торопясь уйти от деревни и страшных воспоминаний, преследовавших её после утренней встречи с солдатами.

С каждым шагом дождь становился сильнее, быстро превращаясь из лёгких капель в холодный проливной поток. Девушка прижала корзину с травами к груди и поспешила вниз по склону, к оврагу, который тянулся мрачной тенью вдоль основания Великой стены.

Внезапно её внимание привлёк едва уловимый звук – тихий, болезненный стон, который почти растворялся в шуме дождя. Юн Линь замерла на месте, прислушиваясь, чувствуя, как сердце начинает тревожно колотиться в груди.

Звук повторился снова, отчётливее, и она, отбросив страх, направилась на него, осторожно пробираясь сквозь мокрые кусты и заросли.

Среди камней, усыпанных осыпавшейся галькой и мокрыми листьями, она заметила человека, который лежал почти без движения, его тело сотрясали редкие болезненные вздохи. Незнакомец был одет в потрёпанную солдатскую форму, запачканную грязью и кровью. На плече его была глубокая рана, из которой медленно сочилась кровь, смешиваясь с дождевой водой и стекая по его бледной коже.

Юн Линь мгновенно почувствовала прилив сострадания. Она приблизилась к мужчине, осторожно опустилась на колени рядом с ним и прикоснулась пальцами к его лбу. Незнакомец был горячим, лихорадка уже брала своё.

– Ты живой? – тихо спросила она, её голос едва пробивался сквозь шум дождя.

Он не ответил, лишь тихо застонал, с трудом приоткрыв глаза и встретив её взгляд полубессознательным взором, полным боли и непонимания.

– Потерпи немного, – мягко произнесла Юн Линь, стараясь скрыть тревогу в голосе. – Я помогу тебе.

С решимостью, о которой прежде и не подозревала, она разорвала край своего старого платья и, промочив кусок ткани чистой водой из ручья, осторожно принялась промывать и перевязывать его глубокую рану. Под её пальцами тело незнакомца вздрогнуло от боли, но он продолжал молчать,

сжав зубы и лишь изредка резко втягивая воздух сквозь стиснутые губы.

Дождь усиливался, а с ним росла тревога в её сердце. Юн Линь понимала, что нельзя оставаться здесь, под открытым небом, иначе мужчина не выдержит. Собрав все свои силы, она мягко взяла его под руку, осторожно поднимая с земли.

– Обопрись на меня, – прошептала она, стараясь звучать спокойно и уверенно, хотя сама с трудом удерживала равновесие. – Моя хижина недалеко отсюда, там ты будешь в безопасности.

Незнакомец, преодолевая боль и слабость, молча подчинился её просьбе, опершись на хрупкое плечо девушки. Медленно, шатаясь и поскользываясь по грязной земле, они двинулись в сторону деревни, пока дождь хлестал их по лицам, словно пытаясь смыть с них все следы боли и страдания.

Когда хижина показалась впереди, девушка почувствовала, как слёзы смешиваются с каплями дождя на её лице, и поняла, что теперь её жизнь изменилась навсегда – этот незнакомец не случайно оказался на её пути. Их встреча была чем-то большим, чем случайностью – возможно, самой судьбой, соединившей две души на краю глубокой пропасти.

Пламя в очаге трещало тихо и размеренно, бросая мягкие блики на стены маленькой хижины, пропитанной запахом дождя, трав и терпкой древесины. Снаружи бушевала буря, хлесткий дождь барабанил по крыше, размывая границы ночи, но внутри, в тёплом полумраке, царил покой, буд-

то сама хижина укрывала их от тревог внешнего мира. Юн Линь сидела возле очага, время от времени поглядывая на незнакомца, который теперь тихо лежал на соломенной циновке, покрытый грубым, старым одеялом. Его лицо в свете огня казалось уставшим и измученным, но при этом гордым и сильным.

Сердце девушки билось неровно и тревожно. Она внимательно разглядывала его черты, пытаясь понять, кто он, откуда взялся, почему оказался ранен и брошен на произвол судьбы у самой стены. Множество вопросов теснились в её мыслях, но она не осмеливалась нарушить тишину. Вместо этого она внимательно следила за его дыханием, которое постепенно становилось ровнее и спокойнее.

Неожиданно мужчина резко открыл глаза. В них было что-то дикое и растерянное, словно он не сразу понял, где находится. Он попытался приподняться, но тут же скривился от боли и тяжело задышал.

– Не двигайся, тебе нельзя вставать, – мягко, но решительно произнесла Юн Линь, быстро оказавшись рядом с ним и осторожно поправляя повязку на плече.

Незнакомец смотрел на неё несколько долгих мгновений, словно пытаясь вспомнить что-то важное, потом хрипло спросил:

– Где я? Кто ты?

– Моё имя Юн Линь, – тихо ответила девушка, чувствуя, как её голос дрогнул. – Я нашла тебя раненым в овраге под

Великой стеной и привела сюда.

Он пристально посмотрел на неё, словно изучая каждую деталь её лица, и, наконец, его взгляд смягчился.

– Юн Линь, – повторил он её имя, словно пробуя на вкус, и прикрыл глаза, глубоко вздохнув. – Я – Фэн Шао. У меня есть долг, и я должен его выполнить...

Его голос звучал глухо и устало, но девушка ясно чувствовала скрытую за этими словами тяжесть и горечь, будто он нёс на себе непосильное бремя, которое теперь было частью его самого.

Фэн Шао медленно поднял руку и с трудом сжал её ладонь, будто искал в ней опору. Юн Линь вздрогнула от этого неожиданного жеста, её сердце забилося ещё сильнее, но она не отстранилась. В его прикосновении чувствовалась отчаянная просьба, тихий зов о помощи, который он не решался высказать словами.

Внезапно, собрав остатки сил, Фэн Шао потянулся к ножу, лежащему рядом, и, преодолевая боль, начал что-то вырезать на ближайшем деревянном бревне. Девушка внимательно следила за его движениями, не понимая смысла таинственной метки, постепенно появляющейся под лезвием ножа.

Закончив, Фэн Шао опустил руку, тяжело дыша, и посмотрел на Юн Линь с глубокой благодарностью в глазах.

– Ты спасла меня, – прошептал он, его голос был едва слышным, словно шелест листьев на ветру. – И я не забуду

твоей доброты. Теперь ты первая искра, которая загорелась во мраке моей жизни.

Юн Линь почувствовала, как тепло разливается в её груди, и поняла, что слова Фэн Шао навсегда останутся в её сердце. Она мягко улыбнулась ему, нежно прикрывая его плечо одеялом, и тихо сказала:

– Отдыхай, Фэн Шао. Здесь ты в безопасности. Я не позволю тьме снова забрать тебя.

Он медленно закрыл глаза, с трудом кивнув в ответ, и вскоре снова уснул. Юн Линь села рядом, задумчиво глядя на таинственную метку, вырезанную на бревне. Что-то внутри неё подсказывало, что эта встреча изменила не только его жизнь, но и её собственную. Теперь судьбы их были связаны крепче и прочнее, чем могли представить они сами, встретившись на краю пропасти.

Глава 2: Долг и сердце

Ранний рассвет окрасил края небосвода в нежные оттенки алого и золотого, вытесняя ночные тени, цеплявшиеся за деревья и крыши. Юн Линь проснулась от едва слышного движения в комнате и медленно открыла глаза, чувствуя, как тревога снова касается её сердца холодным дыханием. Она приподнялась и увидела, как Фэн Шао, сжав зубы от боли, пытается натянуть на себя пропитанную грязью и кровью солдатскую одежду.

– Ты не должен вставать, – сказала она, торопливо поднявшись с циновки и приблизившись к нему. Её голос был полон тихой тревоги, которую она безуспешно старалась скрыть. – Тебе нужна помощь и покой. Ты едва живой...

Фэн Шао замер, на мгновение застыл, затем медленно повернулся к ней. Его лицо было суровым, и только глаза выдавали внутреннюю борьбу.

– Я не могу остаться, Юн Линь. Меня будут искать, и если найдут здесь, ты заплатишь слишком высокую цену, – тихо ответил он, глядя на неё с глубокой серьёзностью. – Я не могу подвергнуть тебя такой опасности.

Девушка почувствовала, как её сердце болезненно сжалось. Она понимала его слова, но всё равно испытывала странное чувство потери, словно он уже успел стать частью её жизни, и теперь уходил навсегда.

– А что будет с тобой? – едва слышно спросила она, избегая его взгляда и сжимая край платья.

– Я вернусь к армии, – ответил он, после короткой паузы. – Там моё место... И мой долг, который я должен выполнить, даже если он приносит лишь боль.

Его голос прозвучал глухо, словно он произносил приговор самому себе. Юн Линь невольно сделала шаг ближе и, осторожно подняв руку, коснулась его плеча рядом с перевязанной раной.

– Я понимаю, что у тебя есть долг, но разве ты не видишь, какой ценой это обходится? – прошептала она, её глаза сверкнули слезами, которые она едва удерживала.

Фэн Шао взял её руку в свою ладонь и сжал крепко, словно пытаясь сохранить этот миг тепла и нежности, возможно, последний в своей жизни.

– Ты дала мне надежду, Юн Линь, – сказал он тихо, глядя ей прямо в глаза. – Поверь, я не забуду твоей доброты. Эта встреча изменила меня больше, чем ты можешь представить.

Она медленно кивнула, не отводя взгляда, ощущая, как слова застряли в горле. Наконец, он осторожно отпустил её руку и отвернулся, собираясь уходить. Открыв дверь, он остановился на пороге и ещё раз взглянул на неё через плечо.

– Береги себя, Юн Линь, – сказал он, с усилием подавляя боль и грусть в голосе. – Если судьба позволит, мы снова встретимся.

Она молча кивнула, прижав ладони к груди, словно пыта-

ясь удержать внутри себя это хрупкое обещание.

Фэн Шао вышел в туманное утро, быстро растворившись среди деревьев и теней. Юн Линь осталась одна, глядя вслед уходящему незнакомцу, которого судьба привела в её дом всего на одну ночь, но уже успевшему оставить глубокий след в её сердце. Она понимала, что теперь между ними стоит стена не только из камня, но и из долга, и лишь надежда могла помочь им встретиться снова.

Вздохнув, Юн Линь медленно закрыла дверь, ощущая в душе пустоту, которую больше ничем нельзя было заполнить.

Предрассветная мгла всё ещё лежала густым покрывалом над огромным военным лагерем у подножия Великой стены, скрывая очертания палаток и солдат, подобно тени тяжёлой, тревожной ночи, не желавшей уходить. Среди бледного тумана едва заметно колыхались очертания фигур, слышался тихий гул разговоров и монотонный лязг железа.

Фэн Шао шёл медленно, осторожно ступая по влажной земле и стараясь скрыть хромоту. Каждый шаг отзывался острой, мучительной болью в плече, которое словно пронзало стрелами при малейшем движении. Лицо его оставалось строгим и бесстрастным, скрывая за внешним спокойствием внутреннюю борьбу и страдания, бушевавшие внутри.

Он остановился у тёмного ряда палаток и на мгновение прикрыл глаза, глубоко вдохнув холодный воздух, пронизанный запахом влажной земли, дыма костров и железа. Его

сердце билось неровно, сжимаясь от воспоминаний о нежных руках девушки, спасшей ему жизнь. Юн Линь... Он прошептал это имя едва слышно, и губы его невольно дрогнули. На мгновение в его глазах мелькнула тоска, но он тут же прогнал её, сжав кулаки и направив всю силу своей воли на то, чтобы вернуться к привычной роли бесстрашного воина.

Проходя мимо костров, генерал Фэн Шао замедлил шаг, тень его доспехов легла на землю, длинная, тяжёлая, как груз его долга. Солдаты сидели у огня, их силуэты дрожали в отблесках пламени – лица, измождённые днями у стены, покрытые сажей и усталостью, глаза – пустые, тусклые, словно угли, что давно остыли. Кто-то водил точильным камнем по клинку, звук – резкий, скрежещущий – царапал ночную тишину, кто-то шептался, слова тонули в треске дров, растворяясь в холодном воздухе. Дым поднимался к небу, густой, едкий, пропитанный запахом пота и железа, смешиваясь с гарью, что оседала на всём вокруг.

Один из воинов, молодой, с острыми скулами и дерзким взглядом, заметил его. Хун – Фэн Шао знал его имя, знал его вспыльчивость – вскочил, усмешка исказила его лицо, голос прорезал ночь, хриплый, насмешливый:

– Гляди, герой вернулся! Где тебя носило, Фэн Шао? Уютное местечко нашёл подальше от стены, пока мы тут кости ломали?

Смех солдат – грубый, короткий, как лай собак – раскатился над костром, но замер, оборвался, едва генерал обер-

нулся. Его взгляд – холодный, острый, как лезвие, что не знает пощады – упал на Хуна. Шаги замедлились, доспехи звякнули, металл отозвался глухим эхом, но голос его – низкий, твёрдый, как удар молота – прорезал воздух через плечо:

– Следи за языком, Хун. В следующий раз моя снисходительность кончится, и твой смех останется в яме у стены.

Слова повисли, тяжёлые, как цепи, что звенели вдали. Усмешка сползла с лица Хуна, будто стёртая ветром, сменилась тенью неуверенности, глаза дрогнули, опустились к земле. Остальные отвернулись, лица их застыли, дыхание затаилось – никто не смел встретить взгляд генерала, чья тень казалась теперь выше огня, шире ночи. Тишина легла, гнетущая, холодная, лишь треск костра нарушал её, да ветер выл, унося запах страха.

Фэн Шао шёл дальше, грудь сжималась, не от насмешки – она была мелочью, пылью под сапогами, – а от груза, что лежал на плечах генерала: жизни солдат, рабочих, стены, что пила их всех. У командирской палатки он остановился, ветер рванул полог, ткань захлопала, как крылья ворона, кружащие над полем битвы. Он замер, дыхание выровнялось, пальцы сжали край плаща, собирая в кулак остатки сил. Лицо его – маска, высеченная из камня, непреклонная, скрывала бурю внутри: гнев, кипящий как смола, тоску, рвущую сердце, страх, что он давно запретил себе чувствовать. Откинув занавеску – резким, точным движением, как удар меча, – он вошёл, сапоги впечатались в землю, доспехи звяк-

нули, и он встал, прямой, недвижимый, ожидая приказа, что мог сломать его или стену, которую он строил.

Генерал Фэн Шао стоял у деревянного стола, заваленного картами и свитками, в тени командирской палатки. Командир, чьё лицо, изрезанное морщинами, как старый доспех, несло суровую усталость, поднял тяжёлый взгляд – острый, цепкий, как клинок. Голос его ударил, резкий, властный:

– Ты опоздал, генерал Фэн Шао. Где твой доклад?

Фэн Шао выпрямился, доспехи скрипнули, грудь напряглась, но голос остался ровным, скрывая бурю внутри:

– Я исполнял ваш приказ, командир. Рабочие из деревни будут здесь к рассвету, как вы велели.

Командир сощурил глаза, и взгляд его, острый, как копьё, устремился к Фэн Шао, жадно выискивая малейшую трещину в броне генеральской стойкости, словно хищник, чующий слабость добычи. Тишина сгустилась, тяжёлая, как предгрозовой воздух, затем он кивнул – коротко, равнодушно:

– Император требует ускорить стройку. Стена должна расти, генерал, или головы падут.

Гнев вспыхнул в груди Фэн Шао, жаркий, как угли под пеплом, но лицо осталось каменным. Он медленно склонил голову, голос его – холодная сталь, отточенная и укрощённая железной волей, прозвучал твёрдо, скрывая бурю, что рвалась из глубин души.

– Приказ ясен, командир.

– Тогда иди, – бросил командир, махнув рукой, словно

отгоняя тень. – И не заставляй меня ждать.

Фэн Шао развернулся, шаги гулко ударили по земле, он вышел из палатки, оставив за спиной запах чернил и старого пергамента. Дыхание рвалось, сердце колотилось, как молот о наковальню, зубы скрипели от напряжения. Он шёл к краю лагеря, к подножию Великой стены, что высилась над ним, молчаливая, как дракон, пожирающий души.

У обрыва он замер, ветер хлестнул в лицо, неся гарь и сырость. Взгляд упал в пропасть – бездонную, чёрную, где камни растворялись в тенях. Память ожила, горькая, как яд: крики рабочих, свист плетей, стоны брата, чьи кости остались там, внизу, раздавленные жёсткостью надсмотрщиков. Он видел его лицо – юное, разбитое, глаза, что молили о спасении, пока плеть не оборвала жизнь.

– Ты был слаб, брат, – шепнул он, голос дрожал, растворяясь в ветре. – А я? Разве я не их орудие?

Кулак сжался, ногти впились в ладонь, кровь проступила, но он не заметил. Нога ударила по камню у края – тот сорвался, загрохотал вниз, разбиваясь о скалы и эхо унеслось в пустоту. Фэн Шао смотрел, как он исчезает, грудь сдавило яростью и тоской, рвущие его изнутри.

Он поднял взгляд к стене – громадной, серой, её тень легла на лагерь, как лапа чудовища. Она пила кровь, пот, души тысяч, что гибли под её тяжестью. Голос его – хриплый, надломленный, пропитанный горькой желчью, вырвался из груди, словно эхо тоски, копившееся годами в тенях его сердца.

– Сколько ещё она выпьет? Сколько невинных сгинет в её пасти?

Из груди его вырвался тяжёлый вздох, что словно растворился в холодном воздухе, затем он медленно повернулся, и шаги его, глубокие и мерные, отдавались в земле мягким эхом, уводя к палаткам, что темнели в ночи. Между долгом и сердцем пролегла пропасть, с каждым днём разрастающаяся всё шире, но в этой беспросветной тьме теплился свет – Юн Линь, её тихий голос, нежный, как шёпот ветра, её руки, однажды спасшие его от края. Она была искрой, неугасаемой, единственным маяком, удерживающий его над бездной, готовой поглотить всё.

Ветер, холодный и яростный, обрушивался на лицо, пробиваясь сквозь пелену тумана, будто стремился вырвать его из цепких объятий воспоминаний. Он стоял у края обрыва, недвижимый, словно высеченный из камня, и смотрел в глубину, где серая мгла пожирала всё, что попадалось ей на пути. В груди его гнев и страх сплелись в тугой узел, став давним, почти родным спутником, не отпускающим ни на миг. Издалека доносились крики надсмотрщиков, резкие, но приглушённые расстоянием, звон цепей, холодный и неумолимый, и голоса рабочих – глухие, полные обречённости, –плыли из мрака, растворяясь в ночи. Он закрыл глаза, и память, острая, как лезвие клинка, ожила перед ним.

Брат возник перед взором – юный мальчишка, чьи тонкие руки дрожали под тяжестью камня, чья душа, чистая и

хрупкая, не выдержала жестокости плетей. Лицо его, покрытое грязью и потом, смотрело с немой мольбой, но Фэн Шао – тогда ещё не генерал, а лишь солдат в бесконечной цепи подчинённых – не успел протянуть руку помощи. Удар хлыста, хруст костей, последний стон, слабый, как угасающий ветер, – всё это эхом звучало в его голове, отнимая сон, покой, остатки человечности, что ещё теплились в душе.

Горло сжалось, будто в тисках, кулаки задрожали, ногти впились в кожу, и кровь, тёплая и липкая, медленно стекала по пальцам, но он не замечал этой боли. Голос командира – долг, приказы, непреклонная воля императора – звучал в ушах, давил на плечи, словно цепи, сковывающие тех, за стеной. Шёпот сорвался с губ, слабый, пронизанный слезами, что так и не пролились:

– Прости меня, брат... Я не спас тебя, не остановил этот кошмар.

Он наклонился, пальцы сомкнулись вокруг камня, и, вложив в движение всю свою тоску, швырнул его в пропасть – тот полетел вниз, касаясь скал, и эхо, глухое, как сдержанный крик, разнеслось в ночи. Тишина опустилась следом, холодная и пустая, оставляя его наедине с болью, что не знала конца.

Взгляд его скользнул к стене – к рядам каменных блоков, сложенных руками умирающих, где каждый камень казался могильной плитой, хранящей чью-то угасшую надежду. В памяти вспыхнула Юн Линь – её глаза, чистые и тёплые,

словно свет в сердце мрака, пробивали его тьму, даря миг покоя. Она была светом, ради которого он мог бы бросить вызов судьбе, что сжимала его в своих когтях.

– Юн Линь... – имя слетело с губ, мягкое, как молитва, унесённая ветром.

Но голос командира, резкий, словно удар гонга, разорвал тишину, вторгаясь в его мысли:

– Генерал Фэн Шао! Ко мне, немедленно!

Он обернулся, грудь сжалась от внезапного напряжения, но лицо его стало стальным, непреклонным, как подобает генералу. Шаги его, тяжёлые и размеренные, вдавливали землю, оставляя следы, будто высекающие путь судьбы, и он вошёл в палатку, неся за собой тень неизбежного. Командир стоял, мрачный, как грозовая туча, в руках его дрожал свиток с золотой печатью императора. Бросив его на стол с глухим стуком, он прорычал:

– Приказ от Ли Сы. Читай.

Фэн Шао взял свиток, пальцы дрогнули, едва коснувшись бумаги, и развернул его. Слова, выведенные чёрными чернилами, резали глаза: удвоить рабочих, ускорить стройку, не щадить никого – ни стариков, ни больных, ни детей. Стены палатки словно сомкнулись вокруг, воздух стал густым, душливым, пропитанным запахом воска и судьбы. Он молчал, вглядываясь в строки, выжигающие душу, втайне надеясь, что они растают, как мираж, но буквы оставались – ясные, беспощадные, как воля императора.

– Ты понял? – голос командира, тяжёлый, как удар молота, прорезал тишину. – Забирай всех из деревень. Император не терпит провалов.

Фэн Шао поднял взгляд, в глазах его мелькнул протест, слабый, но живой, однако голос остался холодным, сдержанным:

– Это сотни жизней, командир... Они и так гибнут, не выдерживая.

– Император не спрашивает! – рывкнул командир, кулак его обрушился на стол, заставив свиток подпрыгнуть. – Мы – его руки, генерал. Исполни или падай вместе с ними.

Тишина легла, тяжёлая, как цепи, звенящими за стенами. Гнев рвался изнутри, но долг давил, словно камень, прижимая его к земле. Фэн Шао стиснул зубы, выдавил, сдерживая бурю:

– Я понял, командир.

– Иди, – бросил командир, и взгляд его – ледяной, неумолимый, как зимний ветер над пустошью, – прорезал воздух, не оставляя места ни для сомнений, ни для тепла. – Не подведи.

Фэн Шао вышел, ноги дрожали от ярости, струящейся в жилах, но он сдерживал её, как реку за плотиной. Сердце кричало, но долг сковывал, не давая вырваться. У палатки он опустился на колени, пальцы вцепились в траву, вырвали её с корнем, и сок, горький и холодный, смешался с кровью на ладонях. Вопрос звенел в голове, тихий, но неотступный:

сколько ещё жизней сломает эта стена?

Ночь опустилась на лагерь, мягкая и тяжёлая, как саван, укрывающий мёртвых. Небо затянули тучи, чёрные и густые, словно смола, стекающая с небес, звёзды скрылись, боясь взглянуть на землю, пропитанную болью. Ветер выл, низкий и протяжный, унося с собой запах сырости, гари и крови, впитавшуся в почву веков. Фэн Шао не спал – тьма в душе не давала глазам сомкнуться. Он вышел из палатки, шаги его, медленные и тяжёлые, словно шаги приговорённого, вели к краю лагеря, где сотни рабочих лежали в цепях, их тела растворялись в тенях, а дыхание – слабое, рваное – сливалось с шёпотом ветра.

Он остановился у громадного камня, торчащего из земли, как надгробие, молчаливый свидетель их страданий, и вгляделся в мрак. Свет костров дрожал, слабый и умирающий, выхватывая из ночи лица – впалые, измождённые, с глазами, давно позабывшими, что такое надежда. Цепи звенели, холодные и неумолимые, сковывая не только руки и ноги, но и души, что угасали под их тяжестью. Стоны, тихие и надломленные, плыли над землёй, словно шёпот призраков, что не обрели покоя. Кто-то молился, слова тонули в хрипе, кто-то лежал недвижимо, глядя в пустоту, где не было ни богов, ни спасения.

Фэн Шао сжал кулаки, ногти впились глубже, кровь стекала по пальцам, капала в грязь, смешиваясь с ней, как слёзы, что он не мог пролить. Юноша, худой, с рёбрами, проступа-

ющими под тонкой кожей, шепнул, голос его – ломкий, как сухая ветка, готовый сломаться:

– За что нас так? Чем мы заслужили эту муку?

Старик рядом, сторбленный, с руками, изрезанными мозолями, ответил, голос его – пепел, оседающий на сердце, тяжёлый и сухой:

– Воля императора, мальчик... Мы – пыль под его пятой, сметённая без следа.

Слова эти вонзались в грудь Фэн Шао, глубже, чем могли бы плети надсмотрщиков, и он стоял, недвижимый, но внутри всё дрожало – гнев, вина, отчаяние сплелись в клубок, что душил его, не давая вздохнуть. Руки, что привыкли держать меч, что поднимали знамя империи, теперь казались ему липкими от крови – не с клинка, а с его собственных приказов, обрекающих других на смерть. Он видел их – сотни глаз, что смотрели из тьмы, не обвиняя, но моля о том, чего он не мог подарить: о свободе, о жизни, о милосердии.

Грудь сжалась, дыхание стало рваным, как у зверя, бьющегося в капкане, не находя выхода. Он опустил взгляд на свои ладони – сильные, натруженные, но дрожащие, словно не в силах вынести тяжесть вины, что легла на них. Кровь, что текла из-под ногтей, блестела в отсветах костра, алая и живая, и в ней он увидел кровь брата, рабочих, всех, кто пал под стеной, что он возводил. Пальцы разжались, трава, вырванная у палатки, упала в грязь, смешалась с ней, как его надежды, растоптанные и растерзанные долгом.

Юн Линь встала перед глазами – её взгляд, мягкий и чистый, как родник в выжженной пустыне, её руки, что касались его ран, её голос, зовущий его к человечности, к свету. Она была лучом, что пробивался сквозь эту тьму, но теперь он боялся, что этот свет угасает, что он сам гасит его своими руками. Губы шевельнулись, шёпот, слабый и полный тоски, растворился в ночи:

– Юн Линь... Спаси меня от этого мрака.

Он вспомнил мать – её слёзы, что текли, когда брат не вернулся, её руки, что сжимали его, моля беречь себя. Вспомнил рабочих – их крики, их лица, сливающиеся в одно, безымянное, но живое, пока стена не ломала их кости и души. Душа его стояла на краю, как у той пропасти, разрываясь между долгом – холодным и железным, что сковывал его, словно цепи этих людей, – и правдой, что кричала внутри, рвалась наружу, но не находила пути.

Голос его – хрип, что утонул в вое ветра, прозвучал тихо, но неотступно:

– Может ли долг оправдать эту боль, эти угасающие жизни?

Ответа не было. Ночь молчала, лишь стоны рабочих плыли над лагерем, как река, уносящая его всё глубже в бездну отчаяния. Он вытер пот со лба, холодный и липкий, пальцы дрожали, оставляя грязные следы на коже. Шаги его, медленные, как у старика, несущего свой крест, увели его к палатке, но тень сомнений следовала за ним, цеплялась за до-

спехи, за душу, становясь частью его, вечной, как стена, что он строил на крови.

Глава 3: Тайное убежище

Тёмная пелена ночи окутала деревню, скрывая её от чужих глаз под покрывалом мерцающих звёзд. Лишь тусклый свет далёких факелов, горящих у Великой стены, нарушал густую тьму. Юн Линь осторожно шла по узкой тропинке, которая едва угадывалась среди высокой, шелестящей травы. В руках у неё была плетёная корзина, наполненная свежесобранными травами и кореньями, из которых она собиралась приготовить целебный отвар.

Девушка двигалась медленно, внимательно вслушиваясь в ночные звуки и тревожно оглядываясь на огни вдалеке, которые напоминали ей о том, что опасность всегда была рядом. Сердце Юн Линь билось тревожно и неровно; она понимала, что солдаты императора не дремлют, и любое неосторожное движение может привести к беде.

Дойдя до берега реки, Юн Линь остановилась, глубоко вдохнула свежий ночной воздух, полный прохлады и запахов влажной земли, и опустилась на колени возле воды. Лунный свет мягко отражался в спокойных водах, и река казалась серебристой лентой, текущей вдоль тёмного леса.

Внезапный хруст ветки заставил её вздрогнуть и замереть на месте. Сердце забилося так яростно, словно пыталось вырваться из груди. Юн Линь инстинктивно потянулась к ма-

ленькому ножу, спрятанному под одеждой, и медленно повернулась, вглядываясь в темноту.

– Кто здесь? – спросила она тихо, но твёрдо, стараясь скрыть свой страх.

На мгновение наступила тишина, потом из тени деревьев появился знакомый силуэт. Юн Линь почувствовала, как её сердце ёкнуло от неожиданности и облегчения одновременно.

– Фэн Шао? – едва слышно произнесла она, опуская нож и делая шаг навстречу. – Ты? Что ты здесь делаешь?

Фэн Шао остановился в нескольких шагах от неё, и в свете луны она заметила, как напряжены его плечи и устало его лицо.

– Я должен был увидеть тебя, – тихо сказал он, избегая её взгляда. – Я... Я не мог уснуть. Меня преследуют мысли.

– Какие мысли? – осторожно спросила Юн Линь, чувствуя, как её сердце снова наполняется тревогой.

Фэн Шао поднял голову и взглянул ей прямо в глаза. Его взгляд был полон боли и отчаяния.

– Мысли о том, что всё это неправильно, – проговорил он сдавленным голосом. – О том, что долг, который я выполняю, причиняет слишком много страданий невинным людям.

Юн Линь почувствовала, как её дыхание перехватило. Она сделала шаг ближе и мягко коснулась его руки, желая поддержать, утешить, дать понять, что она понимает его

боль.

– Ты не виноват в том, что происходит, – мягко сказала она, стараясь успокоить его. – Ты не выбирал такой судьбы.

– Я мог бы выбрать иначе... – его голос звучал мучительно и горько. – Но я боялся, боялся бросить вызов приказам, боялся стать предателем...

Она тихо вздохнула, сжимая его руку сильнее:

– Страх есть в каждом из нас, Фэн Шао. Главное – найти в себе силы преодолеть его и сделать правильный выбор, даже если этот выбор будет самым трудным.

Он молча смотрел на неё несколько мгновений, затем медленно кивнул, словно принимая её слова близко к сердцу. Они стояли в тишине, слушая шёпот ветра и тихое журчание реки, пока мир вокруг них словно замер в ожидании.

Наконец, Фэн Шао первым нарушил молчание, слегка улыбнувшись ей и сказав:

– Знаешь, я рад, что встретил тебя той ночью. Ты вернула мне что-то важное... что-то, что я давно потерял.

Юн Линь почувствовала, как тепло разлилось по её груди. Она улыбнулась в ответ и тихо произнесла:

– Значит, наша встреча была не случайной. Возможно, судьба приготовила для нас что-то большее, чем мы можем представить.

Они снова замолчали, глядя на мерцающую реку, словно пытаясь найти в ней отражение своих собственных судеб. И в этой короткой встрече, полной откровенности и тепла, они

ощутили, как между ними незримо натянулась тонкая нить, связывающая их сердца и души сильнее, чем любые обещания и клятвы.

Юн Линь и Фэн Шао сидели на берегу реки, окружённые нежным шелестом ночной травы и тихим журчанием воды. Лунный свет разливался вокруг них серебристым сиянием, мягко обволакивая фигуры и придавая моменту какую-то неземную лёгкость.

Фэн Шао поднял небольшой камень и, задумавшись, бросил его в реку. Камень ударился о воду, оставив за собой мелкие круги, быстро исчезающие на поверхности.

– Почему ты рискнул прийти сюда? – тихо спросила Юн Линь, внимательно глядя на него и пытаясь разгадать его мысли.

Он молчал некоторое время, затем повернулся к ней, и взгляд его был глубоким и искренним:

– Потому что рядом с тобой я могу быть собой. Ты единственный человек, который не видит во мне только солдата и палача. Ты дала мне возможность увидеть себя другим, настоящим...

Юн Линь вздохнула, ощущая, как сердце болезненно сжимается от его слов. Она медленно сорвала лист с куста рядом, задумчиво перебирая его в пальцах, затем тихо сказала:

– Эта стена уже забрала слишком много... Когда-то у меня была семья. Отец был сильным, надёжным человеком, но он погиб там, у стены. Потом мама... Она не выдержала налогов

и тяжёлой работы, которая ложилась на плечи крестьян. Она умерла, и теперь у меня не осталось никого...

Она замолчала, почувствовав, как слёзы подступают к глазам. Фэн Шао мягко коснулся её руки, предлагая поддержку и утешение:

– Мне жаль... – проговорил он тихо, искренне, с болью в голосе. – Я знаю, что такое потерять близких. Эта стена поглотила и моего брата. Я видел, как он упал под ударами плети, и ничем не мог ему помочь. С тех пор я живу с этим ужасным чувством беспомощности и вины.

Он отвернулся, напряжённо глядя на воду, и Юн Линь почувствовала, как его боль смешивается с её собственной. Она крепче сжала его ладонь, стараясь передать всю ту нежность и понимание, которые переполняли её сердце:

– Ты не виноват в том, что случилось с твоим братом. Это жестокость и равнодушие императора виновны в наших бедах.

Фэн Шао снова взглянул на неё, его взгляд был полон печали и благодарности одновременно:

– Но я часть этой жестокости, Юн Линь. Я был слеп, повинаясь приказам, и сейчас я не знаю, как искупить свою вину перед людьми, перед тобой...

– Ты уже искупаешь её, – тихо перебила она, улыбаясь сквозь слёзы. – Тем, что сомневаешься, тем, что видишь правду и не боишься признать её.

Фэн Шао глубоко вдохнул, словно её слова были тем са-

мым воздухом, которого ему не хватало всё это время. Он сжал её руку крепче и прошептал:

– Я хочу найти другой путь, Юн Линь. Путь, на котором не будет больше страданий. Но мне страшно... страшно ошибиться.

– Ты не один, – прошептала она, мягко улыбнувшись. – Я с тобой. Вместе мы найдём дорогу.

Они снова замолчали, сидя бок о бок и глядя на мирную гладь реки, и впервые за долгое время оба почувствовали, что одиночество и боль отступают. Вместо них возникала новая сила, рождённая взаимным доверием и тихим обещанием стоять друг за друга до конца.

Вернувшись в хижину, Юн Линь ещё долго не могла сомкнуть глаз. Она сидела у небольшого очага, глядя на пляшущие языки пламени, отражавшиеся в её задумчивых глазах. Мысли девушки беспокойно блуждали, погружая её в воспоминания, которые мучили и не давали покоя.

В руках она сжимала маленький нож – простое лезвие с потрёпанной деревянной рукоятью, старинный подарок её отца, полученный ещё в детстве. Нож казался тёплым и живым, словно хранил память обо всех, кто когда-либо держал его в руках. Юн Линь осторожно провела пальцем по лезвию, чувствуя его холод и гладкость, и тяжело вздохнула.

Она вспоминала легенды, которые часто слышала от матери и стариков в деревне. В тех рассказах Великая стена была не просто каменным монстром, забирающим жизни, но

и обителью загадочных духов, незримо охраняющих людей, возводящих её своими слезами и кровью. В детстве Юн Линь верила, что эти духи – защитники слабых, молчаливые свидетели несправедливости, готовые однажды выйти из тени и восстановить утраченную справедливость.

Но теперь, глядя на страдания людей и жестокость, царившую вокруг, девушка сомневалась, есть ли в этом мире хоть что-то способное защитить слабых. Она задавалась вопросом, существует ли справедливость вообще, или она лишь вымысел, придуманный людьми, чтобы облегчить тяжесть их сердец?

– Если вы действительно есть, духи стены, – тихо прошептала она, глядя на огонь, словно обращалась к невидимым слушателям, – почему вы молчите? Почему позволяете всему этому происходить?

Ответом была лишь тишина хижины и едва слышный треск огня.

Юн Линь закрыла глаза, чувствуя, как слёзы медленно скатываются по её щекам. Сердце девушки было переполнено болью и страхом за будущее. Но в глубине этой боли горела и другая, тихая и упрямая искра – надежда, которую подарил ей Фэн Шао.

Она снова увидела его лицо, ощутила тёплое прикосновение к своей ладони, и тепло от воспоминания разлилось внутри неё, вытесняя холод и страх. Он был её надеждой, её шансом на то, что мир ещё можно изменить.

– Если вы не придёте, духи, – прошептала она с новой решимостью в голосе, – мы сами станем теми, кто защитит справедливость.

Открыв глаза, девушка крепче сжала нож и поднялась. Она знала, что путь впереди будет полон опасностей и сомнений, но теперь у неё была причина бороться и верить – причина, имя которой было Фэн Шао.

Юн Линь подошла к окну, взглянула на далекие огни факелов у Великой стены и тихо повторила себе, словно клятву:

– Я не позволю этой стене забрать ещё хоть одну жизнь. Мы найдём способ остановить это.

С этими словами она отошла от окна, ощущая внутри новую силу и решимость, готовую встретить любые испытания, которые ждали её впереди.

Глава 4: Пламя среди камней

Солнце медленно поднималось над горизонтом, окрашивая небо в тяжёлые кроваво-красные оттенки. У подножия Великой стены уже кипела работа: сотни измождённых крестьян и пленных, скованные цепями и стянутые грубыми верёвками, тяжело волокли огромные каменные блоки к месту строительства. Их фигуры, согнутые от непосильного груза, казались теньями, которые беспощадно терзала земля и палящее солнце.

Фэн Шао стоял на возвышении, наблюдая за рабочими со сжатым сердцем и суровым выражением лица. Его пальцы судорожно сжимали рукоять плети, хотя внутри он ненавидел этот инструмент больше всего на свете. Сердце наполнялось стыдом и гневом, но внешне он сохранял маску беспощадного надсмотрщика, которую привык носить столько лет.

– Быстрее! – грубо прокричал он, стараясь звучать жёстко, но внутри ощущал нестерпимую боль. – Император не будет ждать, пока вы будете отдыхать! Работайте!

Один из рабочих, совсем молодой парень, дрогнул под тяжестью каменного блока и упал на колени, задыхаясь и опустив голову. Фэн Шао почувствовал, как его сердце сжимается от жалости, но знал, что солдаты и командир следят за каждым его шагом.

Он шагнул вперёд и с силой ударил плетью по земле рядом с упавшим рабочим, подняв тучу пыли.

– Вставай! Ты должен поднять этот камень, иначе пострадают все! – крикнул он, вложив в слова как можно больше твёрдости и жестокости.

Рабочий с трудом поднял голову, встретившись с Фэн Шао глазами, полными отчаяния и мольбы. Взгляд этот пронзил сердце мужчины, напоминая ему о собственном брате, который однажды упал так же, не выдержав непосильного труда и жестокости надсмотрщиков.

– Прости... – едва слышно шепнул Фэн Шао, так, чтобы никто не услышал, и резко отвернулся, чтобы не выдать своих истинных чувств.

Медленно, с дрожью в руках, парень поднялся и снова взялся за верёвку, натужно потянув камень вперёд. Другие рабочие, опустив головы и сжав зубы, последовали его примеру.

Фэн Шао отошёл в сторону и, словно потеряв терпение, с силой пнул ногой лежащий неподалёку каменный блок. Боль от удара пронзила его ногу, но это была та боль, которую он мог контролировать, боль, которая хоть немного отвлекала от душевных мучений.

Он бросил плеть на землю и закрыл глаза, пытаясь взять себя в руки. Снова и снова перед ним вставали образы прошлого и лица людей, которым он вынужден был причинять боль. Среди них неизменно возникало лицо Юн Линь – де-

вушки, которая первой смогла увидеть его сердце сквозь маску безжалостного воина.

Он понимал, что больше не может так жить, что эта стена уничтожает не только жизни других, но и его собственную душу. Но пока что он не видел выхода. Вся его жизнь была скована цепями долга и страха перед последствиями неподчинения.

– Сколько ещё? – прошептал он сам себе, глядя на нескончаемые ряды камней, лежащие впереди, и на людей, обречённых таскать их до конца своих дней. – Сколько ещё я смогу это терпеть?

Но ответа не было. Было только небо, становящееся всё ярче и жарче, и бесконечная стена, которая безжалостно пожирала судьбы тех, кто строил её собственными руками.

Сгустившаяся ночная темнота медленно погружала деревню в тревожный, беспокойный сон. Лишь звёзды едва заметно мерцали в далёком небе, словно боялись потревожить тишину. Фэн Шао, стараясь оставаться незамеченным, тихо пробирался между деревьев и кустарников, направляясь к маленькой хижине Юн Линь, спрятанной на окраине деревни.

В руках он осторожно держал небольшой мешочек с рисом – скромную пищу, тайно взятую им из лагеря. Внутренний голос твердил, что это неправильно и опасно, но сердце, с каждой минутой бьющееся всё сильнее, заглушало все сомнения. Он понимал, что не сможет иначе – Юн Линь стала

тем лучом света, который освещал мрачную реальность его существования.

Подойдя к краю деревни, он осторожно огляделся, убеждаясь, что поблизости нет солдат, и, собравшись с духом, одним движением перепрыгнул узкую траншею, разделявшую дома от леса. Его раненое плечо отозвалось болью, но он лишь поморщился, стараясь не обращать на это внимания.

Добравшись до хижины, Фэн Шао осторожно постучал в окно, стараясь не потревожить соседей. В его груди билось сердце, наполненное тревогой и нетерпением.

Вскоре внутри послышался тихий шорох, а затем окно приоткрылось. На мгновение их взгляды встретились, и Фэн Шао почувствовал, как напряжение, терзавшее его сердце, мгновенно отступает.

– Фэн Шао? – шёпотом произнесла Юн Линь, удивлённая и одновременно взволнованная. – Что случилось? Ты в опасности?

– Нет, не беспокойся, – тихо ответил он, протягивая ей мешочек с рисом через окно. – Я принёс тебе еду. Ты и так слишком много рискуешь, заботясь обо мне.

Юн Линь замерла, глядя на его подарок, и её глаза заблестели от слёз благодарности и беспокойства.

– Ты не должен был так рисковать, – прошептала она, принимая рис и осторожно положив его на стол. – Если тебя поймут...

– Я знаю, – перебил он, слегка улыбнувшись. – Но риск

того стоил, если я могу хотя бы немного помочь тебе.

Девушка медленно открыла дверь, приглашая его войти. Он шагнул внутрь, ощутив, как его окружает атмосфера тепла и спокойствия, которой он не чувствовал уже очень давно. Она быстро зажгла маленькую лампу, и её мягкий свет озарил хижину, согревая его измученное сердце.

Юн Линь повернулась к нему, внимательно глядя в его глаза, словно пыталась прочесть всё, что скрывалось в его душе.

– Что будет дальше, Фэн Шао? – спросила она, голос её слегка дрожал от волнения. – Ты не сможешь вечно так жить. Рано или поздно придётся выбрать сторону.

Он вздохнул, опуская взгляд, и ответил после короткой паузы:

– Я уже выбрал, но пока не знаю, как поступить. Я не хочу быть частью жестокости, которую сам ненавижу, но страх за тебя и за других не позволяет мне действовать открыто.

Юн Линь приблизилась и мягко взяла его за руку, отчего он вздрогнул и взглянул на неё с удивлением.

– Что бы ты ни решил, я с тобой, – тихо сказала она, глядя ему прямо в глаза. – Ты не один.

Фэн Шао почувствовал, как тепло разливается внутри, вытесняя страх и сомнения. Он осторожно прижал её руку к своему сердцу, желая навсегда сохранить это ощущение близости и доверия.

– Спасибо, – прошептал он едва слышно. – Теперь я знаю,

ради чего бороться.

Они стояли так ещё несколько мгновений, пока тишина ночи обнимала их, укрывая от мира и его жестоких законов. И в эти минуты каждый из них ясно понял, что обратного пути уже нет – лишь вперёд, навстречу неизвестности и судьбе, которую они будут творить вместе.

Свет маленькой лампы мягко струился по комнате, заливая её тёплым, приглушённым сиянием. Тени на стенах покачивались в такт мерцанию огня, создавая ощущение уюта и защищённости. Юн Линь сдержанно подошла к столу, наливая горячий чай в две простые глиняные чашки. Пар от напитка медленно поднимался вверх, заполняя комнату лёгким ароматом трав.

Фэн Шао сидел рядом, тихо наблюдая за каждым её движением. Он чувствовал странную робость и волнение, словно впервые оказался рядом с девушкой. В душе мужчины поднималась волна противоречивых чувств – страха за неё, желания защитить и едва осознаваемой нежности.

– Выпей, это поможет тебе согреться, – тихо произнесла Юн Линь, протягивая ему горячую чашку.

Фэн Шао осторожно принял чашку из её рук, случайно коснувшись её пальцев своими. На мгновение оба замерли, чувствуя тепло и близость этого случайного прикосновения. Он поспешно отвёл взгляд, ощущая, как сердце учащает свой бег.

– Благодарю, – тихо проговорил он, стараясь подавить

волнение. Сделав маленький глоток, он почувствовал, как напиток согревает его изнутри, и облегчённо вздохнул. – Ты всегда была такой заботливой?

Юн Линь улыбнулась, слегка покраснев от его слов, и опустила глаза, пряча волнение.

– Моя мать учила меня, что забота – это сила, а не слабость, – тихо сказала она. – Я хочу верить, что она была права.

Он внимательно посмотрел на неё, чувствуя, как его сердце наполняется теплотой. Он никогда не встречал никого, похожего на неё – с такой внутренней силой, нежностью и искренностью.

– Я тоже хочу в это верить, – признался он, слегка улыбаясь. – С тобой я впервые почувствовал, что можно быть сильным не только жестокостью и силой оружия.

Юн Линь подняла взгляд и встретилась с ним глазами. В них читалась тихая нежность и глубокое понимание.

– Значит, мы оба чему-то научились друг у друга, – улыбнулась она и слегка наклонилась ближе.

Сердце Фэн Шао на мгновение замерло от её близости. Всё его тело наполнилось трепетом, которого он никогда не знал раньше. Он медленно поднял руку, осторожно коснулся её щеки, словно боялся причинить ей боль или нарушить этот хрупкий момент.

– Я не могу обещать, что всё будет хорошо, – прошептал он, глядя прямо ей в глаза. – Но я обещаю тебе, что буду

рядом, что бы ни случилось. Я буду защищать тебя ценой собственной жизни.

Юн Линь почувствовала, как слёзы наполняют её глаза от его слов, таких простых, но таких искренних и глубоких. Она положила свою руку поверх его ладони, слегка прижимая её к своей щеке.

– Я не хочу, чтобы ты жертвовал собой, – тихо сказала она. – Я хочу, чтобы мы жили, чтобы мы нашли путь и обрели свободу. Вместе.

Фэн Шао медленно наклонился, его дыхание слегка участилось от волнения. Он нежно коснулся губами её губ, чувствуя, как весь мир вокруг них исчезает, оставляя лишь тепло, нежность и ощущение единства, которого ему так долго не хватало.

Юн Линь ответила на поцелуй с робкой искренностью, осторожно и мягко прижимаясь к нему, будто пытаюсь передать через этот жест всю глубину своих чувств. Затем они осторожно опустились на соломенную циновку, позволяя теплу и нежности захватить их полностью, забывая обо всём – о мире, о страхах, о суровой реальности, – и растворяясь друг в друге, словно две искры, вспыхнувшие среди мрака и холода.

В эту ночь они впервые позволили себе быть свободными, осознавая, что впереди ждут испытания и опасности, но больше не страшась их, ибо знали – теперь они не одиноки. Теперь они были вместе.

Лампа постепенно угасала, оставляя хижину в полумраке, озарённую лишь мягким светом угольков, тлеющих в очаге. Мир вокруг них становился всё тише, и казалось, что само время замедлило свой бег, стараясь не потревожить двух людей, впервые нашедших друг в друге опору и утешение.

Фэн Шао осторожно прижал Юн Линь к себе, ощущая, как её дыхание учащается и становится глубже. Он чувствовал, как хрупко бьётся её сердце, будто птица, только что обрётшая свободу и всё ещё не верящая в своё счастье. Его ладонь ласково скользнула по её волосам, бережно касаясь тонких прядей, будто стараясь запомнить каждый миг этого вечера.

– Ты уверена, что хочешь этого? – прошептал он, его голос был едва слышен, наполненный нежностью и трепетом.

Юн Линь подняла на него глаза, блестящие от эмоций, и медленно кивнула.

– Я никогда ни в чём не была так уверена, – тихо сказала она, положив ладонь на его грудь, чувствуя, как быстро бьётся его сердце. – Я хочу быть с тобой. Сейчас и всегда.

Он тихо вздохнул, чувствуя, как его тело пронизывает тепло, нежность и желание, смешиваясь с глубокой благодарностью за то, что судьба позволила ему встретить эту женщину, увидеть её улыбку и почувствовать её тепло.

Медленно, осторожно, будто опасаясь потревожить этот хрупкий момент, Фэн Шао склонился над ней и вновь коснулся её губ – сначала легко, едва уловимо, затем всё смелее

и глубже. Их дыхание смешивалось, а сердца стучали в унисон, будто музыка, известная только им двоим.

Юн Линь мягко обняла его за шею, притягивая к себе, позволяя их телам слиться воедино в тесном, тёплом объятии. Её руки медленно скользнули по его спине, ощущая под пальцами шрамы и напряжённые мышцы – следы той жизни, от которой он так хотел освободиться.

– Я боялся, что никогда не смогу снова почувствовать тепло, – прошептал Фэн Шао, осторожно отстраняясь, чтобы посмотреть в её глаза. – Ты дала мне то, о чём я даже не смел мечтать...

Юн Линь нежно провела пальцами по его щеке, ласково улыбаясь:

– Я всегда буду твоим теплом, твоим убежищем, куда ты сможешь вернуться, забыв обо всех бедах мира.

Слова эти окончательно развеяли последние сомнения, и они вновь слились в страстном, глубоком поцелуе, наполненном чувствами, которые давно рвались наружу, но были спрятаны за страхом и сомнениями.

Их дыхание стало горячим и частым, движения обрели уверенность и нежность, а мир за пределами хижины перестал существовать. Одежда медленно сползала с плеч, освобождая их тела, и в этот миг они забыли обо всём – о стене, о войне, о страхах и долге, которые мучили их столь долгое время.

Ласково прижимая её к себе, Фэн Шао ощущал, как её те-

ло трепещет от прикосновений, как раскрывается навстречу ему, доверчиво и искренне. Юн Линь тихо вздыхала, наслаждаясь каждым прикосновением его рук, каждым поцелуем, которые были нежными и одновременно наполненными страстью.

Вскоре они полностью отдались друг другу, растворившись в любви и нежности, впервые ощутив, что жизнь может быть не только борьбой и болью, но и счастьем, которое рождается в объятиях любимого человека. Страсть объединила их сердца и тела, переплетая их судьбы навсегда, связывая крепче любых клятв.

Когда ночь начала уступать место рассвету, Юн Линь мирно уснула в его объятиях, положив голову на его плечо, чувствуя себя защищённой и любимой. Фэн Шао же, глядя на её спокойное лицо, понял, что теперь у него есть ради чего жить и за что бороться.

И эта ночь, полная нежности и страсти, стала началом новой жизни – жизни, в которой они были вместе, где каждое мгновение наполнялось смыслом и надеждой на лучшее, вопреки всему.

Глава 5: Зов свободы

Яркие лучи утреннего солнца пробивались сквозь густые ветви деревьев, освещая землю золотистыми пятнами и заставляя росу сверкать, словно драгоценные камни. Юн Линь осторожно пробиралась вдоль стены, стараясь держаться тени и оставаться незаметной. Её мысли были полны воспоминаниями о ночи, проведённой с Фэн Шао; сердце до сих пор стучало быстрее при воспоминании о его нежных прикосновениях и взгляде, полном искренности и тепла.

Внезапно её размышления оборвал резкий треск. Девушка, не успев среагировать, почувствовала, как земля уходит из-под ног, и упала вперёд, больно ударившись о землю и выронив корзину. Травы и корни рассыпались вокруг, а сердце Юн Линь бешено застучало от тревоги.

Подняв голову, она с ужасом поняла, что угодила прямо в скрытую ловушку, устроенную неизвестными людьми у самой стены. Её дыхание прервалось, когда перед ней неожиданно появились несколько фигур, одетых в простые тёмные одежды. Их лица были скрыты под капюшонами, в руках они держали оружие и смотрели на неё настороженно и враждебно.

– Кто ты? И что ты здесь делаешь? – резко спросил высокий мужчина, выступая вперёд и откидывая капюшон. Его глаза сверкнули холодом и подозрением.

– Я собирала травы, – проговорила Юн Линь, стараясь, чтобы голос её звучал уверенно, хотя внутри всё сжалось от страха. – Я не причиню вам вреда.

Незнакомец приблизился и внимательно изучил её лицо, будто пытаясь прочесть её мысли. Наконец он чуть расслабился, заметив её корзину и рассыпавшиеся растения.

– Ты из деревни? – спросил он, голос его стал чуть мягче.

Юн Линь осторожно кивнула, всё ещё не сводя с него настороженного взгляда.

– Меня зовут Чжоу Ли, – наконец представился он, и напряжение на его лице чуть спало. – Мы повстанцы. Мы сражаемся против этой стены и императора, который построил её на крови и костях наших близких.

Юн Линь вздрогнула, услышав эти слова. Она много раз слышала шёпот о тех, кто тайно боролся против несправедливости, но до этого дня никогда не видела их вживую.

– Ты знаешь, сколько жизней эта стена забрала? – спросил он, пристально глядя ей в глаза, словно проверяя её на прочность. – Сколько семей разрушено? Сколько людей погибло под плетью надсмотрщиков?

– Знаю, – тихо ответила Юн Линь, сжав кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели. – Мои родители погибли из-за неё. Я ненавижу её не меньше вас.

Чжоу Ли слегка улыбнулся, явно удовлетворённый её словами. Он помог ей подняться и внимательно осмотрел место вокруг.

– Ты можешь быть полезной нам, Юн Линь, – произнёс он с тихой убеждённой уверенностью. – Нам нужны люди, которые знают местность, которые смогут незаметно передавать сообщения и помогать нам разрушить эту стену.

Она замерла, почувствовав, как её сердце снова ускорило ритм. Мысль о том, что она может наконец-то что-то изменить, наполнила её смелостью и решительностью.

– Что я могу сделать? – твёрдо спросила она, глядя прямо в глаза Чжоу Ли.

Он кивнул одному из своих людей, который немедленно достал из-за пояса небольшой свиток и протянул его Чжоу Ли. Повстанец осторожно развернул его и продемонстрировал Юн Линь подробную карту строительства Великой стены и расположение солдатских постов.

– Нам нужно спрятать этот план в надёжном месте, – сказал он серьёзно. – Пока мы не будем готовы начать штурм.

Юн Линь молча взяла свиток в руки, чувствуя его вес и понимая, какая ответственность теперь ложится на её плечи. Она осторожно спрятала его в корзину под травами и твёрдо посмотрела на Чжоу Ли:

– Я не подведу вас.

Он коротко улыбнулся ей, удовлетворённо кивнув:

– Я верю тебе. Помни, Юн Линь: мы сражаемся не только за себя, но и за будущее, свободное от страха и жестокости.

Повстанцы тихо исчезли в густых зарослях, а Юн Линь, оставшись одна, медленно пошла обратно в деревню. Её

мысли путались, сердце билось быстро и тревожно, но теперь она знала, что больше не будет наблюдать за страданиями людей молча.

Теперь она была частью этой борьбы – борьбы за свободу и справедливость.

Вернувшись в деревню, Юн Линь долго не могла найти себе места. Она сидела в тёмном углу своей хижины, взгляд её был прикован к корзине, где среди сухих трав и корней лежал спрятанный свиток с картой Великой стены. Тяжесть его словно давила на её сердце, наполняя душу страхом и сомнениями.

Она вздохнула, вспоминая взгляд Чжоу Ли – человека, который говорил о свободе с такой уверенностью и твёрдостью, что ей самой захотелось поверить в его мечту. Но внутри её сердца царила тревога: ей впервые предстояло сделать выбор, который мог повлиять на судьбу не только её самой, но и всех людей, живших вокруг неё.

– Что я делаю? – прошептала она, глядя на свиток, словно ожидая, что тот сам даст ей ответ.

Юн Линь понимала, что её действия подвергают риску и её, и Фэн Шао. Он был солдатом, его долг был связан с этой стеной, и если её поступок раскроется, это может разрушить их жизнь навсегда.

Её мысли оборвал звук шагов, приближающихся к её хижине. Девушка быстро спрятала свиток в рукав, с трудом сохраняя внешнее спокойствие. Сердце учащённо забилося,

когда дверь распахнулась, и на пороге появился Фэн Шао, его лицо выглядело усталым и озабоченным.

– Юн Линь, – тихо произнёс он, закрывая за собой дверь и внимательно изучая её напряжённое лицо. – Ты выглядишь встревоженной. Что случилось?

Она опустила взгляд, стараясь скрыть свои эмоции и сдерживать дрожь в руках.

– Просто устала, – сказала она тихо, избегая его взгляда. – Был долгий день.

Фэн Шао внимательно смотрел на неё, словно пытаясь заглянуть ей в душу, и сделал шаг вперёд, осторожно взяв её за руку.

– Юн Линь, я чувствую, что ты что-то скрываешь. Доверься мне. Что происходит?

Его голос был мягким и полным заботы, и это делало ей ещё больнее. Девушка подняла глаза, встретив его пристальный, искренний взгляд, и почувствовала, как слёзы подступают к горлу.

– Всё в порядке, – прошептала она, с трудом удерживая голос ровным.

Фэн Шао сжал её ладони в своих руках, словно пытаясь передать ей свою силу.

– Лучше горькая правда, чем неведение. Я здесь, с тобой, и что бы ни случилось, мы справимся вместе.

Юн Линь слабо улыбнулась.

– Просто устала, – повторила она мягко, отводя взгляд. –

Всё хорошо.

Он ещё несколько мгновений смотрел на неё, словно надеясь, что она всё же решится сказать больше, но затем кивнул, явно не до конца веря её словам.

– Хорошо... – произнёс он тихо. – Но если что-то случится, ты обещаешь сказать мне?

Она легко сжала его пальцы.

– Обещаю.

Фэн Шао кивнул, но лёгкая тень сомнения всё же мелькнула в его взгляде. Он привлёк её к себе, заключая в крепкие, тёплые объятия, а она, закрыв глаза, уткнулась в его грудь, пытаясь запомнить это мгновение.

В его руках она чувствовала защиту и покой, но молчание становилось тяжёлым грузом, который она теперь несла одна.

Ночь опустилась над деревней плотным покрывалом, наполняя её тишиной, в которой слышалось лишь потрескивание угольков в очаге и тихое дыхание спящего Фэн Шао. Юн Линь же не могла сомкнуть глаз, её разум терзали тяжёлые мысли и бесконечные сомнения. Она сидела у окна, держа в руках платье, порванное после падения в ловушку у стены. Иголка в её пальцах двигалась механически, пришивая один край ткани к другому, а её взгляд рассеянно блуждал за пределами маленькой хижины.

Каждый раз, когда она смотрела на спящего Фэн Шао, её сердце болезненно сжималось от чувства вины. Она прекрас-

но понимала, что он рискует всем, чтобы защитить её. Но она не могла раскрыть ему всю правду о своих намерениях, боясь поставить его перед невозможным выбором. Юн Линь боялась потерять его доверие и любовь, став причиной его внутренней борьбы.

Наконец, закончив шить, девушка осторожно отложила платье в сторону и тихо подошла к двери. Она мягко приоткрыла её, всматриваясь во тьму, где вдалеке вырисовывался массив Великой стены – грозной и бесчувственной, словно хищное существо, готовое проглотить их жизни в любой момент. Глаза девушки наполнились тревогой и решительностью одновременно.

– Я должна это сделать... – прошептала она сама себе, крепко сжав кулаки. – Если я останусь в стороне, ничего не изменится.

Она не услышала, как за её спиной раздался тихий шорох, и вздрогнула лишь тогда, когда почувствовала на плече тёплую ладонь Фэн Шао.

– Ты опять не спишь? – тихо спросил он, голос его был полон мягкости и заботы.

Юн Линь резко повернулась, испуганно взглянув на него. В его глазах она прочла тревогу, смешанную с нежностью, и на миг ей отчаянно захотелось рассказать ему всё – каждую деталь своих планов, каждую тайну, которая так мучительно давила на её сердце. Но она снова промолчала, опустив взгляд.

– Просто не могла уснуть, – ответила она едва слышно, стараясь, чтобы её голос звучал уверенно и спокойно. – Много мыслей...

Фэн Шао внимательно смотрел на неё, словно пытался прочесть в её лице скрытую правду. Он нежно приподнял её подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза.

– Ты не обязана справляться со всем одна, – сказал он мягко, но серьёзно. – Я всегда буду рядом. Ты можешь доверять мне.

Юн Линь почувствовала, как слёзы вновь наполняют её глаза. Она мягко улыбнулась и прижалась к его груди, обнимая его крепко, словно пытаясь удержать этот миг нежности и поддержки навечно.

– Я знаю, – прошептала она, закрывая глаза. – Но есть вещи, о которых я не могу рассказать даже тебе. Прости меня...

Фэн Шао глубоко вздохнул и осторожно погладил её по спине, словно пытаясь успокоить её и защитить от любых бед.

– Я верю тебе, – тихо сказал он, целуя её в волосы. – Но будь осторожна. Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Юн Линь не ответила, лишь сильнее прижавшись к нему, и в глубине её души нарастала решимость: она сделает всё, что в её силах, чтобы остановить страдания, даже если это будет означать скрывать свои поступки от того, кого она лю-

била больше всего на свете.

Они так и стояли в дверях, охваченные тревогой и надеждой, глядя на Великую стену, что возвышалась вдали, мрачная и безжалостная, словно символ той борьбы, которая только начиналась.

Глава 6: Тени за очагом

Тьма ещё цеплялась за края неба, плотная и холодная, как сырой плащ, когда Юн Линь открыла глаза. Угли в очаге едва тлели, отбрасывая слабые красноватые отблески на стены хижины. Рядом, на грубой циновке, тихо дышал Фэн Шао – его грудь поднималась и опускалась в ровном ритме сна, лицо, расслабленное и спокойное, казалось далёким от тревог, терзающих её душу. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к его дыханию, и каждый вдох его был как укол в сердце – острый, болезненный, полный любви и вины. Но время не ждало. За стенами хижины её звали тени, и она знала, что должна ответить.

Юн Линь медленно поднялась, стараясь не скрипнуть половицами. Холодный воздух коснулся её кожи, пробирая до костей, но она лишь плотнее запахнула старую накидку и скользнула к двери. Взгляд её на миг задержался на корзине в углу, где под сухими травами прятался свиток Чжоу Ли – тяжёлый, как камень, давящий ей на грудь с того самого дня. Она глубоко вдохнула, сжала кулаки и шагнула наружу, мягко прикрыв за собой дверь. Тьма обняла её, густая и влажная, пропитанная запахом земли и росы. Где-то вдали ухнула сова, и звук этот, резкий и одинокий, эхом отозвался в её груди.

Она двигалась быстро, бесшумно, вдоль тропы, вьющейся

за деревней. Трава цеплялась за подол её платья, оставляя на ткани холодные капли, но Юн Линь не замечала этого – взгляд её был устремлён к старому колодцу, чей силуэт смутно вырисовывался в предрассветном сумраке. Камни вокруг него, поросшие мхом, блестели от влаги, а воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом сырости и тайны. Она остановилась у края, затаив дыхание, и почти сразу из тени выступила фигура – невысокая, закутанная в тёмный плащ, с лицом, скрытым капюшоном.

– Ты поздно, – голос повстанца был хриплым, низким, словно шёпот ветра в сухих ветвях. Он шагнул ближе, и слабый свет звёзд мелькнул на его подбородке, покрытом щетиной. – Чжоу Ли ждёт ответа.

Юн Линь молча кивнула, чувствуя, как сердце ускоряет ритм. Она протянула руку, и мужчина вложил в её ладонь маленький свёрток – грубую бумагу, сложенную вчетверо, с едва заметной печатью из воска. Пальцы её дрогнули, принимая этот груз, но она быстро спрятала записку в рукав, под ткань, где та прижалась к коже, холодная и жгучая, как предчувствие.

– Патрули у стены, – коротко сказал он, не отводя взгляда. – Нам нужно знать их пути. Скоро. Не подведи.

– Не подведу, – ответила она тихо, но твёрдо, хотя внутри всё сжалось от страха. Она знала, что это значит – красться вдоль стены, считать шаги солдат, запоминать их тени. Но отступить было нельзя.

Повстанец кивнул, коротко и резко, и растворился в темноте так же бесшумно, как появился. Юн Линь постояла ещё мгновение, прислушиваясь к тишине, что обволакивала её, тяжёлая и внимательная. Затем, схватив старый кувшин, валяющийся у колодца, она набрала воды – холодной, звенящей, – чтобы её ложь обрела форму. Обратный путь оказался ей длиннее, каждый шаг отдавался в груди, как удар молота, а записка в рукаве жгла кожу, словно уголь.

Когда она переступила порог хижины, небо уже начало светлеть, окрашивая горизонт тонкой полосой серого. Дверь скрипнула, и этот звук, резкий в утренней тишине, заставил Фэн Шао шевельнуться. Он открыл глаза, медленно, будто выныривая из глубины сна, и приподнялся на локте, глядя на неё. Волосы её были растрёпаны ветром, подол платья влажен и испачкан росой, а кувшин в руках дрожал, выдавая её напряжение.

– Юн Линь? – голос его был хриплым от сна, но в нём уже звучала тревога. Он сел, потирая лицо ладонью, и внимательно посмотрел на неё. – Почему так рано? Куда ты ходила?

Она замерла на миг, чувствуя, как горло сжимается от страха. Затем заставила себя улыбнуться – слабо, неуверенно – и шагнула к очагу, ставя кувшин на пол.

– Не могла уснуть, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но лёгкая дрожь всё же прорвалась. – Решила принести воды, пока тихо.

Она отвернулась, опустившись на колени перед очагом, и принялась раздувать угли, пряча лицо в тени. Пальцы её дрожали, подбрасывая сухие ветки в огонь, и пламя, вспыхнувшее с треском, осветило её бледные щёки. Фэн Шао молчал, но взгляд его, тяжёлый и внимательный, она чувствовала спиной, как тепло от очага. Он встал, босые ноги тихо ступили по земляному полу, и приблизился к ней, остановившись в шаге.

– Ты вся мокрая от росы, – сказал он мягко, но в тоне мелькнула тень сомнения. – И волосы... Что-то не так?

Юн Линь сжала губы, не поднимая глаз. Огонь плясал перед ней, жадный и яркий, но не мог отогнать холод, сковавший её внутри. Она знала, что он видит больше, чем она хочет показать, – его забота всегда была острой, как клинок, проникающий туда, где она прятала свои тайны. Но правда была слишком тяжела, слишком опасна, и она не могла позволить ей вырваться.

– Всё хорошо, – выдохнула она, заставляя голос звучать спокойнее. – Просто холодно было у колодца. Сейчас согреюсь.

Она подбросила ещё одну ветку в огонь, и искры взлетели вверх, рассеиваясь в полумраке. Фэн Шао смотрел на неё ещё мгновение, и в его молчании было больше вопросов, чем в словах. Но он лишь кивнул, медленно, словно принимая её ответ, хотя тень тревоги не ушла из его глаз. Он опустился рядом, протянув руки к огню, и тепло очага смешалось с теп-

лом его близости. Юн Линь сжала кулаки, скрывая дрожь, и молча поклялась себе, что защитит его от правды – даже если эта ложь станет ещё одним камнем, что ляжет между ними.

Солнце поднялось высоко, заливая деревню жарким светом, пробивающимся сквозь листву и ложилось на землю золотыми пятнами. Воздух дрожал от зноя, пропитанный запахом нагретой травы и далёким гулом реки. Юн Линь стояла у порога хижины, перебирая в руках пустую корзину, её пальцы нервно теребили плетёные края. Фэн Шао сидел внутри, точил короткий клинок, и звук камня о сталь – ровный, ритмичный – наполнял тишину, как биение сердца. Она бросила взгляд на него через плечо: его лицо, сосредоточенное и суровое, было обращено к лезвию, но она знала, что он чувствует её присутствие, как зверь чует тень в лесу.

– Я схожу в лес, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал легко, почти небрежно. – Старуха Ли опять хворает, просила отвар из горькой травы. Вернусь к закату.

Фэн Шао поднял взгляд, рука его замерла на точильном камне. Глаза, тёмные и внимательные, скользнули по её лицу, задержавшись на напряжённых уголках губ.

– Одна? – спросил он тихо, и в голосе его мелькнула тень тревоги. – Лес неспокоен в последнее время. Хочешь, пойду с тобой?

Юн Линь покачала головой, слишком быстро, и тут же пожалела об этом. Она заставила себя улыбнуться, сжимая корзину крепче.

– Нет нужды, – ответила она, отводя взгляд к дверному проёму, где свет резал глаза. – Я недалеко, у ручья. Быстро управлюсь.

Он кивнул, медленно, но в движении этом было что-то тяжёлое, словно он взвешивал её слова. Юн Линь не стала ждать, пока тишина станет невыносимой, и шагнула наружу, чувствуя, как его взгляд провожает её, острый и горячий, как луч солнца на спине. Дверь осталась приоткрытой, и звук точильного камня возобновился, но теперь он казался ей обвинением, стучавшим в висках с каждым шагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.